

— Когда Зигмунд Фрейд пытался «выле...» ...

— Там зачёркнуто слово «вылечить» и стоит «изменить».

— ... «...чить» свою дочь Анну от... Слушай, если ты мне будешь мешать читать, то мы так никогда не закончим с этими дурацкими билетами. Где мы остановились в прошлый раз?

— На Карен Хорни.

— Нет, Вака. Хорни изучается после Фрейда, ведь она выступала против него и его теорий, а так же считала, что «Сверх-я» не является подавляющей силой для «Ид» и «Эго». И для того, чтоб дойти хотя бы до Карен, нужно вообще понять, кто такой Зигмунд и что он там вообще напридумывал.

— Ааааа, — Вакаса поднимает руки вверх, потягиваясь, и смотрит на фарфоровое лицо Шини, которая сосредоточенно скользит глазами по старым жутко шершавым страницам и нервно кусает фильтр от вишнёвой сигареты. — Это тот дед, который говорил о том, что курение — это тайное желание сосать хуй? А это значит, что он и сам был гомосексуалом. Он же курил, а потом ещё и оказалось, что у него рак гортани.

— Вака! У него была опухоль нёба, а потом ему удалили челюсть, но это не важно. Он потом пересмотрел эту версию с курением и сказал, что у мужчин эта штука не прокатывает, а у женщин...

— А у женщин лесбиянство является пропуском к психическим заболеваниям, — Вакаса забирает сигарету изо рта Сано и затягивается, поглядывая на покрасневшую девушку. — Ты чего покраснела?

— Ничего, — Шини утыкается в книгу, временами бросая взгляд на нагло улыбающуюся белую кошку. — Ты чего-то хочешь?

— Нет, — Имауши мотает головой и проглатывает слово «тебя».

Сано-старшая кивает и утыкается обратно в книгу, кусая себя за палец, отрывая заусенец. Кровь медленно собирается около ногтя и стекает тонкой струйкой по худощавому пальцу, Шини не обращает на боль никакого внимания и продолжает читать, но уже про себя.

Вакаса перестаёт улыбаться и внимательно смотрит на чужие руки с покусанными ногтями.

Самоповреждение в самом чистом его проявлении.

Имауши хмыкает и смотрит на свои оголённые ноги, покрытые букетом из синяков и ссадин, хохочет где-то внутри себя и подводит красную линию к своему собственному методу по преднамеренному повреждению. Если сказать людям о том, что ноги пострадали при драке, то никто не осудит за это, но если сказать о том, что синяки появились из-за того, что Вака избивает себя ночами, то её тут же осудят и поведут к врачу. Удивительно, что один вид самоповреждения замечают и осуждают, а за другой лишь гладят по головке, успокаивая.

Имауши трясёт головой и мысленно возвращается к проглоченному слову «тебя».

На деле Вака хочет многое. Список хотелок явно возглавляет сама Шиничиро Сано, а за ней уже идут мирские желания, которые никогда не пойдут в сравнение с идеальной Сано. Конечно, Вакаса головой понимает, что идеальных людей не существует, но почему-то, когда

она натывается на агатовые глаза, мозг вытекает из правого уха, а фигурка Фрейда из кабинета для обучения психологическим консультациям строго смотрит. Вакаса в такие моменты рефлекторно затыкает ухо пальцем, вправляя мозг на место, и показывает картонной фигурке язык. Ей не нужно одобрение общества и собственных родителей, которые уж яро ждут на пороге дома суженного-ряженного. Ей плевать, но рука Шини никогда не окажется в её руке по понятным для всех причинам. Анна Фрейд тихо плачет в углу и Вакаса с радостью бы села рядом с ней, сказав о том, что её отец идиот. Лесбиянство не болезнь, однако, многие люди считают иначе, Имауши плевать и на это, но хотелка в виде Шиничиро Сано болезненно горит в сердце, потому что потребность в любви не будет удовлетворена никогда.

Сейчас Имауши желает выбросить блядскую книгу и повалить Сано на кровать, аккуратно стянуть с неё футболку и начать ласкать влажным языком ещё незатвердевшие соски. Хочет скользить по стеклянному телу горячими руками, спускаясь к чёрным трусикам и запуская пальцы под хлопковую ткань, прикасаясь ими сначала к лобковым волосам, а затем и к клитору, играя с ним пальцами. Имауши хочет поцеловать Сано в её искусанные до крови губы, а ещё оставить засос на шее, чтоб все видели багровый след на фарфоровой коже, а затем спуститься ниже и оказаться своим лицом напротив чужого влагиалища, языком пройтись по половым губам, дразня девушку. Медленно приложить язык к промежности и медленно двигаться к клитору, слегка покусывая его. А затем...

А затем ничего не делать, потому что фантазии должны быть фантазиями и оставаться порой не озвученными.

Имауши знает о том, что Шини девственница, а ещё знает о том, что Сано-старшая абсолютно на все сто процентов гетеросексуальная девушка, с которой у Вакасы нет никаких шансов.

В универе про Сано ходит слух о том, что она шлюха, потому что цепляется к каждому первому встречному. Имауши хочет разбить лицо каждому и каждой, кто так говорит в адрес её драгоценной Шини. Быть любвеобильной неплохо, Вака в курсе, что её подруга просто желает узнать о том, что такое любовь. Возможно, что желает порой безумным способом, но осуждать её за это нельзя.

Имауши отводит глаза от коротких вороньих волос и цепляется взглядом за край синей атласной юбки, из-под которого выглядывают ровные белёсые шрамы, которые словно вырисовывали по линеечке.

Вака умирает внутри себя и хочет остановить это безумие, однако умом понимает, что не имеет права прикасаться к чужому бедру. Имауши знает причину этих порезов, она вообще много чего знает, однако сделать ничего с этим не может. Это бесит и раздражает вдвойне, но виноватых в этом во всём нет. Люди имеют право на отказ и неприятие чужих чувств. Вакаса по себе знает, как больно быть в позиции влюблённой и в позиции той, кто отказывает, когда ей признаются.

— Тебе снова отказали? — Имауши не выдерживает блеска шрамов на бедре и хочет разорвать удушающую петлю.

Сано замирает и прислушивается к стуку своего сердца. Перед глазами появляется кадр, в котором её подруга выхватывает сигарету и зажимает её между своими губами.

Запах вишни распространяется на всю квартиру и Шини хочется, чтоб вместо Вакасы не прямой поцелуй сделал другой человек, однако это просто невозможно. Вакаса Имауши не привлекает Шини как девушка, потому что Сано никогда не испытывала любовного интереса к

своему полу и даже если бы Вака оказалась парнем, Шини вряд ли бы смогла встречаться с мужской версией Имауши.

Сердцу не прикажешь.

Сано убирает книжку и подтягивает к себе ноги, упираясь подбородком в свои острые коленки, чувствуя, как по её лицу начинают скатываться хрустальные слёзы. Она плачет не из-за вопроса, который неожиданно повис в воздухе. Она плачет, потому что последний отказ оказался ужасно болезненным. Сано может сравнить это с ударом ножа в сонную артерию или поджогом живой плоти. Слышать отказ больно и совершенно неважно в первый это было раз или двадцатый. Шиничиро Сано знает о том, что она не хрустальная и может вытерпеть абсолютно любую физическую боль, но почему-то с душевной болью справиться она не может. Она смотрит на Вакасу и задаёт тысячу неозвученных вопросов, читает кучу книг, но никак не может найти ответа на вопрос о том, что с ней не так. Видимо, есть люди, которым не суждено быть любимыми.

Вака хочет её обнять и расцеловать, но не может себе этого позволить. «Всё дело в том, что у меня во рту сигарета, — успокаивает Имауши себя, а затем мысленно шлёпает ладонью по лбу. — Дура. И зачем я только начала? Ты же знаешь, что она никогда не сможет тебя полюбить.»

Сердце пропускает удар, и скорая помощь не успевает привести биоэлектрическую активность в норму. Имауши забивает на себя и разворачивается корпусом к сжавшейся от сердечной боли Шини.

Если Вакасу Имауши спасти нельзя, то пусть хотя бы Шиничиро Сано живёт дальше.

— Ну, Шини, не реви, найдёшь ты себе ещё долб... Юношу, — Вака шутит, потому что только так психика защищает её от нервного срыва, выбрасывает бычок в белоснежную пепельницу и уходит в другую комнату, возвращаясь с пачкой тряпичных платочков. — Подумаешь, отказали в двадцатый раз, в двадцать первый уж точно повезёт.

— Я не из-за парня плачу, — Сано тревожно и медленно берёт платок и прячет в нём своё кукольное личико, размазывая тушь по нежно-розовой ткани, а затем пожимает плечами, не находя ответов.

— Тогда почему ты плачешь? — Вакаса присаживается опасно близко и спускает всё на самотёк, поглаживает Сано по коленке, но не позволяет себе большего.

— Просто больно, — Шини тыкает себя в районе груди и отчаянно смотрит в глаза Имауши.

Вакаса думает о том, что в такие моменты люди обычно целуются, чтоб снять эмоциональную напряжённость, но если она это сделает, то потеряет подругу навсегда. Имауши осторожно поглаживает по коленке, стараясь успокоить подругу. Ей хочется, куда большего контакта, но фигурка Фрейда мозолит глаза и по-отцовски даёт пощечину по лицу.

Лесбиянство не болезнь, но когда ты влюбляешься безответно в свою лучшую подругу, кажется, что жизнь издевается. Вакаса думает порой о том, что лучше бы она родилась мальчиком, а потом мотает головой и возвращается в жестокую реальность. Смена пола не решила бы её проблемы, потому что Шиничиро Сано всё равно бы никогда её не полюбила.

Имауши улыбается и заштопывает порванное сердце, грубые стяжки некрасиво торчат, но Вакаса никогда и не хотела быть примерной пай-девочкой.

Имауши улыбается и оставляет своё сердце открытым для Шини.

Сано благодарна Имауши, но искренне не может избавиться от навязшего желания видеть перед собой другого человека.

Вакаса хорошая и самая лучшая на свете, но она не может дать того, чего так трепетно желает Шини.

Сано-старшая мастерски орудует иглой с нитками, но никогда в жизни не станет латать сердце напротив, потому что у самой уже лоскутки наслаиваются друг на дружку. Сердцу не прикажешь, она знает о том, что Имауши испытывает к ней, но не может ответить ей взаимностью.

Сано улыбается в ответ и закрывает своё сердце от Вакасы, мысленно выстраивая между ними меловую линию, которую запрещено переступать.

Они обе смотрят друг на друга, а затем отворачиваются сердцами, оставляя в воздухе ускользающее между пальцами абсолютное всё.

Спасение для Сано в другом человеке, для Имауши — в человеке напротив.

Вакаса давится воображаемой кровью и убирает руку с чужого колена. Сердцу не прикажешь, но порой так хочется выключить его и сбить заводские настройки. Имауши встаёт, подходит к подоконнику и свешивает ноги из окна.

Сано убирает платок и утыкается обратно в книжку, мечтая исчезнуть из комнаты. Бесцельно копается в глупых строчках и своём сердце, не замечая того, как Вакаса выпрыгивает из окна и разбивается на миллиарды осколков.

Сано молчит, а затем смотрит на открытое окно, слыша, как чужое тело шлёпается об асфальт, вздрагивает и моргает несколько раз, смотря на спину подруги.

— Фрейд учил, что лесбиянство — всегда ошибка отца, и оно лечится психоанализом, — Имауши потирает синяк и вытягивает перед собой руки, а затем залазит обратно, садясь напротив Шини и забирая из её рук платок. — Ты чё в окно уставилась?

— Наверное, показалось, — Сано морщится. — Хочешь что-нибудь?

— Да, сигарет, если можно.

Шини кивает и протягивает пачку сигарет.

Вакаса долго смотрит на чужие губы, а затем опускает взгляд на пачку и благодарно берёт сигарету.

Щёлкает зажигалкой и закуривает, хотя хочет совершенно другое.